

WORLD CLASSICS BOOKS

МИХАИЛ
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

ПИСЬМА К ТЁТЕНЬКЕ

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С16

- Салтыков-Щедрин, М.Е.**
С16 Письма к тётьеньке/ М.Е. Салтыков-Щедрин. — М. : Т8
Издательские технологии / World Classics Books, 2019. —
408 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-517-00585-4

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Дельфина Анжольера «Шепот моря», частное собрание.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00585-4

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

Содержание

ПИСЬМО ПЕРВОЕ	5
ПИСЬМО ВТОРОЕ	28
ПИСЬМО ТРЕТЬЕ	56
ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.....	86
ПИСЬМО ПЯТОЕ.....	110
ПИСЬМО ШЕСТОЕ.....	138
ПИСЬМО СЕДЬМОЕ	160
ПИСЬМО ВОСЬМОЕ	179
ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ	216
ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ	234
ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ	276
ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ	301
ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ	328
ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ	358
ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ	373

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Милая тетенька!

Помните ли вы, как мы с вами волновались? Это было так недавно. То расцветали надеждами, то увядали; то поднимали голову, как бы к чему-то прислушиваясь, то опускали ее долу, точно всё, что нужно, услышали; то устремлялись вперед, то жались к сторонке... И бредили, бредили, бредили — без конца!

Весело тогда было. Даже увядать казалось не обидно, потому что была уверенность, что вот-вот опять сейчас расцветешь... В самом ли деле расцветешь, или это так только видимость одна — и это ничего. Все равно: волнуешься, суетишься, спрашиваешь знакомых: слышали? а? вот так сюрприз!

То есть, по правде-то говоря, из нас двоих волновались и «бредили» вы одни, милая тетенька. Я же собственно говорил: зачем вы, тетенька, к болгарам едете? зачем вы хотите присутствовать на процессе Засулич? зачем вы концерты в пользу курсисток устраиваете?

Сядемте-ка лучше рядком, сядем да посидим... Ах, как вы на меня тогда рассердились!

— Сидите — вы! — сказали вы мне, — а я пойду туда, куда влекут меня убеждения! Mais savez-vous, mon cher, que vous allez devenir pouilleux avec vos «сядем да посидим»...¹

Именно так по-французски и сказали: pouilleux, потому что ведь нельзя же по-русски сказать: обовшивеете!

Повторяю: я лично не волновался. Однако ж не скрою, что к вашим волнениям я относился до крайности симпатично и не раз с гордостью говорил себе: «Вот она, тетенька-то у меня какова! К болгарам в пользу Баттенбергского принца агитировать ездит! Милану прямо в лицо говорит: дерзай, княже! «Иде домув муй?» с аккомпанементом гитары поет — какой еще родственницы нужно!» Говорил да говорил, и никак не предвидел, что на нынешнем консервативно-околоточном языке мои симпатии будут называться укрывательством и попустительством...

Но теперь, когда попустительства начинают выходить из меня соком, я мало-помалу прихожу к сознанию, что был глубоко и непростительно неправ. Знаете ли вы, что такое «сок», милая тетенька? «Сок» — это то

¹ Mais savez-vous, mon cher, que vous allez devenir pouilleux avec vos... (*фр.*) — Но знаете, дорогой мой, что вы обовшивеете с вашими «сядем да посидим».

самое вещество, которое, будучи своевременно выпущено из человека, в одну минуту уничтожает в нем всякие «бреды» и возвращает его к пониманию действительности. Именно так было со мной. Покуда я кока с соком был — я ничего не понимал, теперь же, будучи лишен сока, — все понял. Правда, я лично не агитировал в пользу Баттенбергского принца, но все-таки сидел и приговаривал: ай да тетенька! Лично я не плескал руками ни оправдательным, ни обвинительным приговорами присяжных, но все-таки говорил: «Слышали? тетенька-то как отличилась?» А главное: я «подпевал» (не «бредил», в истинном значении этого слова, а именно «подпевал») — этого уж я никак скрыть не могу! Так вот как соберешь все это в один фокус, да прикинешь, что за сие, по усмотрению управы благочиния, полагается, — даже волос дыбом встанет!

Позвольте, однако ж, голубушка! Мог ли я не попустительствовать и не «подпевать», если вы при каждом случае, когда я хотел трезвенное слово сказать, перебивали меня: rouilleux! Помнится, как-то раз я воскликнул: ничего нам не нужно, кроме утирающего слезы жандарма! — а вы потрепали меня по щечке и сказали: дурашка! Как я тогда обиделся! как горячо начал доказывать, что меня совсем не так поняли! И вдруг, сам не помню как, такую высокую ноту взял, что даже вы всполошились и начали меня успокаивать! А кто меня до этой высокой ноты довел?!

Спрашиваю я вас: примет ли все это в соображение управа благочиния, хоть в качестве смягчающего вину обстоятельства?

Но, кроме того, и еще — хоть вы мне и тетенька, но лет на десяток моложе меня (мне пятьдесят шесть лет) и обладаете такими грасами, которые могут встревожить какого угодно rouilleux. Когда вы входите, вся в кружевах и в прошивочках, в гостиную, когда, сквозь эти кружева и прошивочки, вдруг блеснет в глаза волна... Ах, тетенька! хоть я, при моих преклонных летах, более теоретик, нежели практик в такого рода делах, но мне кажется, что если б вы чуточку распространили вырезку в вашем лифе, то, клянусь, самый заматерелый rouilleux — и тот не только бы на процесс Засулич, но прямо в огонь за вами пошел!

Ужели же и этого не примет в соображение управа благочиния?

Голубушка! не вините меня! не говорите, что я предаю вас, сваливаю на вас мою вину! Во-первых, чем же я виноват, коли инстинкт мне подсказывает: Расскажи да Расскажи! А во-вторых, предавая вас, я, право, лично для себя ничего не достигаю. Нынче так все упрощено, что уж нет ни зачинщиков, ни попустителей, ни укрывателей — одни виноватые. Стало быть, все мои ссылки на вас и на кого бы то ни было напрасны и служат только к бескорыстному разъяснению дела, а не к личному моему обелению. И что всего любопытнее: я очень хорошо

это понимаю, и все-таки от предательства воздержаться не могу: так и нудит инстинкт, так и подманивает на встречу. Это уж веянье такое, и все мы, которые когда-либо были одержимы «бредами» или «подпеваниями», — все мы обязываемся принимать его в расчет.

Одно меня утешает: ведь и вы, мой друг, не лишены своего рода ссылок и оправдательных документов, которые можете предъявить едва ли даже не с большим успехом, нежели я — свои. В самом деле, виноваты ли вы, что ваша *manière de causer*¹ так увлекательна? виноваты ли вы, что до сорока пяти лет сохранили атуры и контуры, от которых мгновенно шалеют *les messieurs*?

Знаете ли, впрочем, что? Иногда мне кажется, что управа, рассмотрев наш прежний образ мыслей и приняв во внимание наш образ мыслей нынешний (какой, с божьею помощью, поворот!), просто-напросто возьмет да и сдаст наше дело в архив. Или, много-много, внушение сделает: смотрите, дескать, чтобы на будущее время «бредней» — ни-ни!

— Помилуйте, вашеество! кто же нынче о бреднях думает? Бредни... фуй!

Это, впрочем, скажете, тетенька, вы, а не я. А я уж потом за вами в огонь и в воду...

И поедете вы, вся в кружевах и прошивочках, вашу волну по городу с визитами развозить. «Бредни... но ведь

¹ *Manière de causer* (*фр.*) — манера беседовать.

это смех, право! Бредни!.. но разве можно без омерзения об этом говорить!» Вот сколько предательства нынче, милая тетенька, развелось!

Но скорее всего, даже «рассмотрения» никакого мы с вами не дождемся. Забыли об нас, мой друг, просто забыли — и все тут. А ежели не забыли, то, не истребовав объяснения, простили. Или же (тоже не истребовав объяснения) записали в книгу живота и при сем имеют в виду... Вот в скольких смыслах может быть обеспечено наше будущее существование. Не скрою от вас, что из них самый невыгодный смысл — третий. Но ведь как хотите, а мы его заслужили.

Тем не менее я убежден, что ежели мы будем сидеть смирно, то никакие смыслы нас не коснутся. Сядем по уголкам, закроем лица платками — авось не узнают. У тех, скажут, человеческие лица были, а это какие-то истуканы сидят... Вот было бы хорошо, кабы не узнали! Обманули... ха-ха!

Но как это, тетенька, подло!

Не бойтесь же, милая. Вот вы теперь в деревню уехали: авось, мол, там меня не достанут! Ну, и прекрасно. Поживите там, подышите воздухом полей, посмотрите, как доят коров и стригут барашков, поговорите с вашим урядником, полюбуйтесь на житье-бытье мужичков... и вдруг вас осенит мысль: какая я, однако ж, глупенькая была! бреднями занималась! Правду Nicolas (это я) говорил: с нас совершенно достаточно утирающего слезы